

ДИСКУССИЯ

Л. М. ГОХБЕРГ

проректор по научной работе Государственного университета — Высшая школа экономики

М. В. РЫЧЕВ

заместитель руководителя Федерального агентства по управлению особыми экономическими зонами

Н. И. ИВАНОВА

заведующая сектором Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук

Ю. В. ЯКОВЕЦ

профессор Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации

А. Н. КЛЕПАЧ

директор Департамента макроэкономического прогнозирования Минэкономразвития России

О. Ф. ОЧИН

заместитель министра промышленности и науки Правительства Московской области

В. Н. ПАРМОН

директор Института катализа им. П. К. Борескова СО РАН

Е. А. ЛУРЬЕ

директор Научно-методического центра по инновационной деятельности высшей школы Тверского государственного университета

В. И. ЗИНЧЕНКО

заместитель главы администрации (губернатора) Томской области

Б. К. ЛИСИН

директор Института стратегических инноваций

Л . М . ГОХБЕРГ

*проректор по научной работе Государственного
университета — Высшая школа экономики*

Я хотел бы несколько слов сказать о том, как складывается терминология, связанная с инновациями и инновационной деятельностью в международной практике и у нас в стране. Дело в том, что есть определенные традиции, много литературы по проблеме, очень много аналитики в юридических документах, в которых уже сложилась определенная терминология и, более того, сложилась определенная процедура выработки этой терминологии и ее идентификации по мере, во-первых, расширения занятых в этой инновационной сфере, а во-вторых, по мере появления новых инструментов для анализа инновационной деятельности.

Существует эта традиция примерно лет 15-20, уже, как говорится, канонизированная. Эти работы ведутся в рамках двух крупнейших международных организаций: Организации содействия экономическому развитию и Евростата — статистического органа Европейского Союза. И существует два уровня документов, определяющих терминологию и весь инструментарий анализа инновационной деятельности.

Во-первых, есть специальное международное руководство по определению инновационной деятельности, оно называется «Руководство Осло. Методика сбора данных о технологических инновациях» (по названию города, в котором было впервые принято).

«Руководство Осло» (Proposed Guidelines for Collecting and Interpreting Technological Innovation Data: Oslo Manual. Paris: OECD, Eurostat, 1997) является действующим методологическим документом, подготовленным Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) совместно с Евростатом и содержащим рекомендации в области статистики инноваций, которые признаны в качестве международных статистических стандартов.

И второй набор документов — это некий согласованный инструментарий, где установлена система показателей для сбора статистических данных на гармонизированной основе всеми странами, которые придерживаются этой конвенции. Этот механизм такой консенсусный, то есть это долго все обсуждается в течение многих лет, проводятся ревизии этих документов. В подготовке последней версии принимали участие и российские эксперты. Этот

процесс длился примерно пять лет, то есть терминология возникает не просто так, не «с потолка», она в общем достаточно устойчивая.

В нашей стране инновационная статистика собирается уже более 10 лет — с 1994 года. С точки зрения понятийного аппарата система показателей, во-первых, регламентируется мировыми стандартами, во-вторых, она содержит целый ряд подходов, которые отражают реальную структуру инновационной деятельности в российской экономике. Я сейчас опускаю подробности, но подчеркиваю тот факт, что на самом деле инновационная статистика сегодня — это огромное обследование примерно 40 тысяч предприятий ежегодно, и раз в два года с 2001 года собирается еще статистика по *малым предприятиям* промышленности, осуществляющим инновационную деятельность, — это еще несколько десятков тысяч малых предприятий. То есть предприятия уже знакомы с этой терминологией, она уже вошла во многие юридические документы.

Применительно к нашему исследованию я бы хотел вот что сказать. Действительно существуют некоторые рамочные определения, в том числе и что такое инновационная деятельность, но я подчеркиваю здесь слово «рамочные». Сегодня в теории (и уже перешло в практику) намечается несколько типов инноваций, которые уже сейчас измеримы на уровне статистического инструментария. Первоначально вся эта система создавалась, как правило, применительно к технологическим инновациям, то есть это продукты, услуги и технологические процессы. А примерно 4-5 лет назад, с 2001 года, у нас в практике появилось понятие *организационной инновации*. В последней версии появился новый класс инноваций, который уже вводится в интернациональную практику, — *мобильная инновация*.

Эти вот три структуры инноваций означают совершенно разные совокупности предприятий. Они пересекаются, но совсем не обязательно. Это к вопросу о последующем возможном администрировании тех льгот, которые мы хотим предложить. То есть мы должны четко понимать, что на самом деле мы имеем две совершенно разные совокупности определений, поэтому мы должны понять, что является стратегическим объектом для стимулирования. На мой взгляд, и я думаю, что вы разделите мою точку зрения, все-таки прежде всего речь должна идти о технологических инновациях. Это действительно та цель, которую мы должны обеспечить, то, в чем действительно нуждается российская экономика.

Это понятие абсолютно четкое, оно имеет определенные четкие границы, причем деятельность, связанная с расширением технологических инноваций, раскрывается через список определенных видов деятельности. Но есть еще второй список, продолжающий первый. А именно то, что не относится к технологической инновации. Например, новый продукт, отвечающий соответствующим признакам, критериям, относится к инновациям, а скажем,

упаковка этого продукта или какая-то модификация эстетическая к технологическим инновациям не относятся. Поэтому есть четкий способ определения границ, что может быть в принципе инновациями.

Среди материалов, подготовленных к заседанию, представлена некая, более суженная терминология применительно к технологическим инновациям. На наш взгляд, необходим такой более узкий подход. Это первое, о чем я хотел сказать.

Второе. По поводу одного из терминов — национальная инновационная система. Сегодня есть такое понятие, оно есть и в теории, причем там десятки разных определений, предложенных самыми разными исследователями в этой области, и в общем все они вполне презентативны и имеют определенный смысл. Я, откровенно говоря, не вижу только здесь предмета государственного регулирования применительно к политике национальной инновационной системы. Потому что именно системы и эти связи никак не регулируются на уровне федерального законодательства. Мы можем пытаться регулировать какие-то отдельные элементы, например, трансфер технологий, организацию и проведение научных исследований или финансирование проектов, грантов и т.д. Но вряд ли мы можем национальную инновационную систему как-то в целом ограничить, во-первых, а во-вторых, регулировать ее какой-то единой нормативно-правовой базой.

Скажу несколько слов по поводу предложений Томской области. На самом деле речь идет о том, что инновационные проекты здесь предлагаются не как альтернатива инновационным предприятиям, а как альтернатива инновационной деятельности. Просто слово «деятельность» заменено словом «проект», что создает массу дополнительных проблем, в том числе правового характера. Контрактный это проект или инициативный, как его описать? Вот здесь написано: «система мероприятий, отраженная в документации». Какой в документации статус: заверченный или незаверченный проект и т.д. Здесь возникнет масса вопросов, связанных со списанием расходов всевозможных на разных этапах реализации этого проекта. Поэтому, на мой взгляд, понятие «деятельность», конечно, более адекватно нашему предмету обсуждения.

Что касается инновационного предприятия. Откровенно говоря, во всех своих аналитических материалах, публикациях по статистике инноваций мы стараемся этого термина избегать, поскольку в той или иной мере все предприятия являются инновационными. Допустим, мы говорим о предприятии, осуществляющем технологическую инновацию, или предприятии, осуществляющем организационную инновацию и т.д. Доля этой инновационной деятельности совершенно различна, она может быть от 0 до 100%. Поэтому здесь возникают серьезные проблемы с определением предприятия как целиком инновационного, всегда возникает вопрос: где эта граница: например, 60%, почему не 50, не 40 и т.д.? На мой взгляд, это серьезная тема для обсуждения.

М. В. РЫЧЕВ

*заместитель руководителя Федерального агентства по
управлению особыми экономическими зонами*

Во-первых, я целиком присоединюсь к идее о том, что ставка единого социального налога для научных организаций должна быть не 14%, а **15,5**, потому что мы с этой проблемой уже столкнулись и сейчас вынуждены искать механизмы компенсации для того, чтобы решать социальные вопросы.

Что касается предложений Томской области, то я присоединяюсь к той точке зрения, которая здесь прозвучала. Хотя на самом деле понятие «инновационный проект» — это то, над чем тоже стоит подумать, ибо целый ряд задач, которые решаются в других форматах, может выпасть из нашего рассмотрения, и может быть, не в этих формулировках, но об этом стоит поразмышлять.

Если говорить о практической составляющей, уже имеющейся в Агентстве, нас волнует еще целый ряд проблем, но они скорее касаются **116-го** закона, в частности, очень сильно тормозит имеющееся там понятие «опытная партия», потому что мы тем самым себя загнали в некоторый логический тупик. Эта проблема перед нами реально стоит, потому что измерять количественно успешность или неуспешность деятельности технико-внедренческих зон нужно в первую очередь цифрами прироста производимой наукоемкой продукции, и тут же мы сталкиваемся с неопределенным понятием опытной партии. Вот это, пожалуй, одна из очень существенных проблем, с которой нам сейчас предстоит в том или ином виде разбираться.

Н.И. ИВАНОВА

заведующая сектором Института мировой экономики и международных отношений РАН

Первое, что я хотела бы сказать, — мы, конечно, должны различать статистический подход к определению инноваций, о котором здесь говорил Л.М. Гохберг, и экономический подход к стимулированию инноваций. Все-таки весь мировой опыт, доступный нам, показывает, что здесь существует очень большой как бы зазор, то есть уровень отработки статистических механизмов, анализа инновационной деятельности — изучение, измерение, сопоставление, сравнение, рейтингование и прочее — очень сильно отличается от тех критериев, которые применяются при стимулировании инновационной деятельности. И практика большинства стран говорит о том, что нигде весь этот набор критериев, которые существуют для описания, для мониторинга, для статистики, не включается в какие-то законы, которые имели бы целью стимулирование инноваций. Там отсекается большая часть и там точно ставится цель: что государство хочет на данный момент решить.

Общим и универсальным для всех абсолютно стран является стимулирование НИОКР, в частности, то, для чего можно ввести понятие «стратегического инноватора». Потому что если малое, крупное, среднее, любое инновационное предприятие ведет НИОКР, которые связывает с дальнейшей реализацией продукта на рынке, и делает это целенаправленно, значит, это не просто инновации, это стратегические инновации. И вот это основной и главный критерий, который абсолютно универсален и во всех странах используется. Другое дело, какие скидки даются, каким предприятиям, но это универсально. Все остальное — в основном применяются какие-то показатели из того набора, о котором говорил Л.М. Гохберг, и который в том числе включен в перечень критериев, но только в тех случаях, если какое-то государство хочет решить какую-то конкретную проблему, например, оно хочет стимулировать развитие малых предприятий. И опять же либо они идут в НИОКР, либо они действуют в определенной области, которая абсолютно четко связана с каким-то национальным приоритетом, например, здравоохранение или что-то еще. Но никогда и никто не использует весь набор статистических критериев, которые используются для описания, анализа и мониторинга инновационной деятельности. Это принципиально важная вещь.

Я согласна с тем, что определение национальной инновационной системы вряд ли следует включать в этот закон. Тут мне не вполне понятна цель, и уж тем более в той формулировке, какая там содержится. Она там не соответствует никакой концепции. То есть, с одной стороны, включается система регулирования и вместе с тем — субъекты инновационной деятельности, реально при всем разнообразии концепций национальной инновационной системы, это все-таки то, что производит инновации, то, что создает совокупность предприятий, а не то, что регулирует и управляет, это только какая-то часть инновационной системы регулирует и управляет.

Мне кажется, предложенный список тех понятий инновационной деятельности, которые предлагается ввести в поправки к закону, нужно, конечно, сузить. Может быть, ограничиться первыми тремя, потому что кроме НИОКР для нас важны и технологические инновации. Все равно перечень критериев технологических инноваций статистически будет шире, чем тот, который мы должны включить туда. Я думаю, что нам надо оставить и НИОКР, и патенты, и приобретение овеществленных технологий, но это на усмотрение тех людей, которые реально этим занимаются.

Была дискуссия по проблеме в Центре стратегических разработок, у них тоже свой подход. И, в общем, все разделяют идею, что стимулироваться должны НИОКР. Дальше вопрос: у нас есть хорошее определение НИОКР для предприятия, абсолютно понятное для налогового администрирования? Я не вполне уверена, что там не требуются какие-то дополнительные критерии, потому что когда мы пишем закон, мы должны быть на 150% уверены, что это уже расписано и в соответствующие законы включено. Мы должны быть уверены хотя бы в том, что НИОКР абсолютно точно нам понятны, что признаки НИОКР понятны предприятиям, не только тем, кто выполняет государственные программы, но и тем наукоемким компаниям крупных инновационных предприятий, которые они посевают через свои венчурные фонды.

Ю. В. ЯКОВЕЦ

*профессор Российской академии государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

Наталья Ивановна подняла очень важный вопрос. Я когда-то высказывал примерно такую же точку зрения, но она влечет за собой определенные последствия. Дело в том, что возникает проблема: с одной стороны, степень полноты этого списка, а с другой стороны, действительно, что мы хотим стимулировать? Может быть, нам надо было с этого начать обсуждение, а мы начали с терминологии. А я высказывал в свое время такую точку зрения, что в самом деле, как это не парадоксально звучит, но понятие инновационной деятельности, хотя я в каком-то смысле являюсь его приверженцем, может быть, вообще не нужно вводить в законодательство, а действительно ограничиться определенным набором конкретных видов деятельности, которые мы непосредственно хотим сегодня поддерживать в первую очередь. Это НИОКР, в первую очередь на предприятиях в реальном секторе экономики. Причем понятно, что если рыночные компании тратят деньги на НИОКР, они делают это с каким-то смыслом, чтобы все-таки выходить на рынок с какими-то новыми продуктами. Это первое.

Второй принципиальный момент — это, безусловно, модернизация производственного аппарата. Это следующий вид деятельности, опять же для обсуждения. На мой взгляд, многие присутствующие знают ситуацию с состоянием производственного аппарата в российской промышленности, и, возможно, это даже важнее, чем НИОКР. Там тоже есть проблемы. Поэтому, может быть, следует включить в список еще две-три позиции, а может быть, — пять. Прежде всего, приобретение неовещественных технологий разных, а не только патентов. Но вот, может быть, этим и ограничиться. Тогда я предложил бы не вводить вообще понятие инновационной деятельности, снять все теоретические и прочие дискуссии.

Есть еще такой момент, если уж говорить о международной правовой практике. Если говорить о статистике, то практика такая: как только эти понятия утверждаются на уровне статистической службы Европейского Союза, там тут же принимается соответствующий законодатель-

ный акт, он утверждается европейским парламентом (он у меня есть, я могу показать), где вот эти определения вводятся в закон для целей сбора статистики. Там определяется набор показателей, которые все страны должны представлять в обязательном порядке с определенной периодичностью. И уже когда обсуждаются какие-то меры политики в этой сфере, обращаются к этому закону. Это уже вопрос создания единой правовой системы.

А. Н. КЛЕПАЧ

*директор Департамента макроэкономического
прогнозирования Минэкономразвития России*

К сожалению, у меня нет четкого ответа на те вопросы, которые здесь поставлены. Проблемы зафиксированы, понятны: с теми определениями, которые сейчас есть в проекте закона даже с учетом дополнительной редакции, мы не сможем применить налоговые льготы.

Я думаю, что надо в новой редакции все-таки более четко сформулировать, на какие виды деятельности распространить льготы, не может быть поддержка инновационной деятельности вообще, потому что инновационная деятельность — все-таки явление достаточно широкое, и я согласен с мнением Л.М. Гохберга, что здесь очень важны технологические инновации.

Но тем не менее даже технологические инновации — это очень широкий спектр: закупки нового оборудования или разработку новых продуктов так или иначе делает достаточно большая часть предприятий. Ясно, что система поддержки не может распространяться на все обновление производственного парка или на все обновление производственных линий, неважно — малое это предприятие или большое. По статистике, при всем ее несовершенстве, достаточно активно идут процессы обновления: где треть предприятий, где еще больше закупают оборудование, обновляют производственную номенклатуру.

Мне кажется, что здесь все-таки надо сфокусироваться на предприятиях, которые производят наукоемкую или интеллектуалоемкую продукцию. Как ее оценить — это тоже проблема непростая. Можно идти через расходы на НИ-

ОКР. Тут вопрос: какие данные статистически учитывать. В принципе, это будет, видимо, сужение.

Вроде бы интереснее идти от результата. Условно говоря — подготовка аэродромного полотна по современным требованиям наукоемких процессов: можно по пальцам пересчитать, кто в России в состоянии это делать. Тем не менее формально расходы компании на НИОКР сложно учесть по тем фирмам, которые я знаю, они в статистику не попадают, но тем не менее это высоконаукоемкое производство.

Поэтому предлагаю, как рабочую гипотезу. Действительно, готовый комплекс мер должен быть направлен на инновационную деятельность в целом, но нам нужно выделить не только технологические инновации, особенно в части налогового стимулирования и других мер, но и другую наукоемкую или интеллектуалоемкую продукцию. А какой критерий здесь: от расходов или применительно к оценке уровня продукции, это надо еще думать.

В законе упоминается регистрация инновационных центров. Мы «похоронили», я так понимаю, еще в прошлом году аккредитацию научных или академических центров. Сейчас у нас появляется еще аккредитация инновационных центров. Надо понять, чего мы хотим. Тем более мы в свое время были против того, чтобы хоронить аккредитацию научных или академических центров из-за того, что теряем во взаимоотношениях с налоговой службой какую-то точку для расчета.

Но это скорее вопросы, чем ответы, действительно здесь предстоит большая работа по согласованию.

По налоговым мерам. Я согласен с размером ставки ЕСН 15,5%. Может быть, следует возвращаться к вопросу об НДС, тем более что у нас было освобождение от НДС научных учреждений. Если учитывать идею интеграции науки и образования, значит, надо это, безусловно, делать для образовательных учреждений. Но, с другой стороны, если мы всерьез говорим об инновационных фирмах, где высокая компонента расходов на НИОКР и интеллектуальную деятельность, почему на них не должно распространяться то же льготная ставка НДС? Надо доработать это в целом.

О.Ф. Очин

*заместитель министра промышленности и науки
Правительства Московской области*

Инновационная деятельность, если опираться на «Руководство по сбору и интерпретации данных о технологических инновациях», подготовленное ОЭСР, не является уникальной, обязательно заслуживающей государственной поддержки.

Любое предприятие, если оно хочет выживать в условиях открытой жесткой конкуренции (напомним о намерении вступить в ВТО), применяет все формы инноваций: технологические, организационные, продуктовые, наконец, маркетинговые, чтобы повысить свои конкурентные преимуществ. И в этом смысле создать механизм администрирования и поддержки через налоговое законодательство инновационной деятельности всех хозяйствующих субъектов мне представляется нереальным.

Ключевой проблемой при анализе инновационных процессов, которые набирают силу в корпоративном секторе экономики, в регионах, является проект федерального закона о национальной инновационной системе.

Председатель Правительства М.Е. Фрадков подписал распоряжение, согласно которому к ноябрю 2006 г. должен быть подготовлен проект федерального закона об участии органов государственной власти в развитии инновационной системы. Слово «национальная» там отсутствует, но, по-видимому, подразумевается. Закон о национальной инновационной системе и ее развитии должен готовиться опережающе. Более того, совершенно неправильно подменять подготовку этого закона сегодня упоминавшимся законом об инновационной деятельности. Они имеют принципиально разную природу регулирования отношений между субъектами инновационной деятельности.

Поясним суть нашей позиции. В рамках Поручения Президента Российской Федерации № Пр-645 на территории Московской области реализуется пилотный проект по практической отработке элементов национальной инновационной системы.

За время реализации пилотного проекта пройден большой путь по осознанию того, что такое элементы инновационной системы, каким образом из отдельных элементов следует формировать собственно региональную инновационную систему.

Формирование национальной инновационной системы должно быть направлено на создание в обществе, государстве правовой, экономической и мировоззренческой среды, которая была бы дружественной к восприятию инноваций самой жизнью. Одной из базовых установок: является понимание того, что инновационная деятельность не характеризуется исключительностью, требующей прямой государственной поддержки, она должна стать нормой жизни, формирующей процесс развития.

Инновационной идеологией должно быть пронизано развитие всех секторов экономики и социальной сферы: промышленности и сельского хозяйства, транспорта и связи, жилищно-коммунального хозяйства и строительного комплекса, здравоохранения и образования, культуры и сферы социального обслуживания.

В этих секторах экономики и социальной сферы, включенных в контур национальной инновационной системы, должны быть созданы условия восприятия инноваций, причем не только и не столько технологических, сколько организационных, затрагивающих целевые установки и процедуры принятия решений в правовой и финансово-экономической сферах.

Множественность компонентов системы и их потенциально безграничное взаимодействие может породить проблему управляемости развития системы. Очевидным упрощением системы может стать ее деление на подсистемы трех типов — территориальные, функциональные и кластерные.

В первую очередь, роль подсистем могут играть муниципальные образования, в том числе наукограды, и другие территориальные объединения (особые экономические зоны, территории научно-технического развития, промышленные округа и др.).

Другим типом подсистем могут выступать функционально объединенные субъекты инновационной инфраструктуры — технопарки, консалтинговые и маркетинговые структуры, сеть образовательных учреждений, готовящих специалистов для инновационной сферы и пр.

При участии федеральных и региональных властей должны формироваться системообразующие кластерные проекты. Примером формирования кластера служит проект Российского центра программирования в Дубне, предполагающий строительство в черте города новой специализированной агломерации на 30 тысяч жителей. Это позволит сформировать десяти тысячный коллектив программистов, новый облик города, привлечь серьезные инвестиции из внебюджетной сферы.

Формирование подсистем территориального типа предполагает разработку каждым из муниципальных образований своей стратегии инновационного развития.

Речь идет, по сути, о выборе направлений развития муниципальных образований, обеспечивающих реализацию их конкурентных преимуществ в рыночной среде, базирующихся на использовании собственного инновационного потенциала и инновационного потенциала региона в целом.

В свою очередь, на базе разработанных стратегий инновационного развития муниципальных образований должна быть сформирована стратегия инновационного развития субъекта Федерации. Она, в свою очередь, должна предопределить векторы формирования стратегий инновационного развития секторов экономики и социальной сферы, за развитие которых отвечают соответствующие органы государственной власти субъекта Федерации. Речь идет о формировании взаимоувязанной системы стратегий инновационного развития региона, муниципальных образований и секторов экономики.

Включение существующих контуров управления в инновационную систему должно сопровождаться соответствующей «настройкой» управляющих структур (органов власти), обеспечивающей динамичность реакции в отношении быстро изменяющейся инновационной сферы деятельности.

Все вышесказанное нашло отражение в проекте закона о региональной инновационной системе Московской области. Проект закона прошел согласование в 9 министерствах и ведомствах, но дальнейшее его принятие было приостановлено юристами до принятия ранее упомянутого федерального закона. Именно этим и определяется наш интерес к скорейшему исполнению соответствующего поручения Председателя Правительства Российской Федерации.

Статистика в области инноваций должна уже сегодня настраиваться на проект закона о национальной инновационной системе и в полной мере соответствовать характерным тенденциям динамичного развития инновационных процессов на региональном уровне.

Пока, надо признать, на большинстве предприятий не сложилась инновационная культура, отсутствует эффективно функционирующий инновационный менеджмент. И опережающая подготовка кадров в этой области является одной из насущных задач.

В.Н. ПАРМОН

директор Института катализа им. Г. К. Борескова СО РАН

Я хочу сказать, что практика работы с малыми и не только с малыми предприятиями, занимающимися научно-внедренческой деятельностью в Сибирском отделении РАН, показывает, что основные деньги все предприятия зарабатывают все-таки на выпуске продукции. Даже Институт ядерной физики свои десятки миллионов долларов зарабатывает именно на производстве различного вида ускорителей, ускорительной техники и т.д. Поэтому когда мы пытаемся ограничить понятия различными мероприятиями, то сразу весь этот комплекс и производителей программного обеспечения, и производителей конкретной наукоемкой продукции отсекаем.

Если исходить из прозвучавшей мысли, что мы хотим стимулировать в первую очередь производство наукоемкой продукции и внедрение научных разработок в производство, то, наверное, основным критерием должна быть доля НИОКР в конечной цене продукта. То есть не важно, какой партией он выпущен, не важно, как долго он выпускается, но если на всем протяжении его производства доля НИОКР составляет какой-то оговоренный, скажем так, и согласованный барьер, то эта продукция и это предприятие должны подпадать под те налоговые льготы, о которых было сказано.

Если предприятие постоянно ведет НИОКР, и каждый раз в общем объеме произведенной и проданной продукции доля НИОКР не опускается ниже определенного предела, тогда данное предприятие или данное производство попадает под эти ограничения. То есть, условно говоря, это то, о чем сказал М.В. Рычев. Почти год тому назад, когда обсуждали закон об особых экономических зонах, представители Томска говорили о необходимости определить понятие «опытная партия», предлагая срок в течение 3-х лет с момента внедрения продукта. Потому что все деньги зарабатываются на производстве, на продаже конечной продукции. У нас, к сожалению, предприятий, которые продают лицензии или патенты, неизмеримо мало, и это пока не является способом зарабатывания денег, то есть такого вида деятельности в большом объеме мы не наблюдаем. Еще раз подчеркиваю, все наши институты, и все наши наукоемкие предприятия, малые предприятия при институтах деньги зарабатывают на производстве продукции.

Е.А. ЛУРЬЕ

директор Научно-методического центра по инновационной деятельности высшей школы Тверского государственного университета

Мы проводим мониторинг научно-технического и инновационного потенциала региона — пилотный проект, реализуемый в масштабе субъекта РФ.

Проходит непросто. В картах мониторинга 42 показателя по оценке потенциала и инновационным ориентирам предприятий и организаций. Но могут быть высказаны первые впечатления, обобщения по проблеме, связанные с темой сегодняшнего разговора о сущности инновационной деятельности. Я приведу в качестве примера результаты мониторинга по нескольким предприятиям.

Компания *«Диэлектрические кабельные системы»*. За восемь лет стала одним из лидеров в производстве кабеленесущих систем, определяя политику на 1/3 отечественного рынка.

За время знакомства с заводом, бесед с руководителями и сотрудниками слова «инновации» и «инновационная деятельность» практически не использовались, хотя по итогам мониторинга ее интегральный инновационный индекс был признан одним из лучших.

Какая поддержка им необходима в первую очередь? *Льготный таможенный режим приобретения нового технологического оборудования за рубежом*, которое они ежегодно закупают, используя банковские кредиты.

Необходимы поправки в Таможенный кодекс, которые бы предусматривали такие льготы на технологическое обновление и создание конкурентоспособной продукции.

Другой пример, *Тверской вагоностроительный завод* — лидер отрасли, который проводит системное технологическое обновление всех основных цехов, всех основных технологических переделов.

Но и здесь слова «инновационная деятельность» в ходе посещения десятка крупных цехов так и не звучали. Но в составе дирекции завода — директор по науке и новым технологиям, доктор экономических наук, профессор, и вся деятельность предприятия сейчас направлена на технологическое обновление и достижение нового уровня конкурентоспособности.

Что им не достает из действующих норм поддержки инноваций? Льготные банковские кредиты, хотя бы на временной период. Пока банки не участвуют практически в этом важном процессе, ставки высокие и деньги короткие.

Еще один пример — Кимрский завод теплового оборудования. Директор — изобретатель высшего уровня, проводит все дни в конструкторском бюро либо в двух научных лабораториях, которыми руководят доктора наук. За год предложено и освоено 10 нововведений, связанных с производством продукции, не имеющей аналогов в России, а в ряде случаев — и за рубежом. Но не одно из них не запатентовано, и это принципиальная позиция не только этого директора, но и многих руководителей предприятий. За сохранение патента надо платить, а если платить прекращаешь, то через несколько месяцев свой замысел читаешь в чужой статье. Принцип один — патентование только после соглашения с зарубежным партнером на приобретение новой, конкурентоспособной продукции.

И у него слова «инновационная деятельность» мы не слышали.

Что надо таким предприятиям? Изменение в законодательстве, регулирующем отношения в области патентования. Должна быть повышена ответственность государства за сохранение тайны замысла и снята дополнительная плата за поддержку патента.

В чем причина, что на всех трех предприятиях тема инновационной деятельности, не говоря о ее сущности, практически не звучала? Одна из причин заключается в том, что инновационная деятельность не может быть «рядом» с экономикой, она одна из важнейших составляющих повседневной деятельности предприятия по технологическому обновлению и конкурентной борьбе, по замене старого новым. Рассмотрение инновационной деятельности как самостоятельного вида деятельности вряд ли оправдано. Надо ли в этих условиях более 10 лет дискутировать о сущности инновационной деятельности и ее наиболее полном определении?

Есть общепринятое в мире понятие инновации. Кратко — это *нововведение, проданное на рынке*. Мы 10 лет пользуемся этим определением. У нас оно звучит так: «результат науки, который завершен созданием продукции, востребованной, проданной на рынке и защищенной как интеллектуальная собственность».

Дискуссия и споры, длившиеся годами, не могли не отразиться на показателях государственной статистики. Она пока не отражает сущность этого важного процесса. У нас сложилось впечатление по итогам мониторинга, что положение в действительности несколько лучше, чем то, которое представляет статистика. За 10 и более лет широкого обсужде-

ния сущности инновационной деятельности и выбора «правильного» определения мы по многим направлениям отстали на эти 10-12 лет. Надо заставить себя остановиться, принять и поддержать предложения, внесенные О.Г. Дмитриевой и Д.В. Ливановым. Сам подход представляется оптимальным — внести правки в ряд действующих законов. Закон об инновационной деятельности вряд ли актуален. Базовый закон о инновационной политике, об отношении государства к проблемам инновационных преобразований, наверное, нужен.

Что касается определений, то есть путь, который предложила Н.И. Иванова, — это опыт Европейского Союза по этой проблеме. Это важно хотя бы потому, что мы на пороге вступления в ВТО, и нас все равно заставят привести свою систему статистики в сфере инноваций к общеевропейской. Стоит в связи с этим привлечь внимание к тем показателям, которые используются в статистике ЕС. Там в числе главных — оценка человеческого ресурса, участие молодежи в науке, подготовка специалистов в вузах, доля наукоемкой продукции в составе ВВП и другие показатели, которые определяют роль и ответственность государства за развитие инновационных процессов и технологическое обновление производства.

В.И. ЗИНЧЕНКО

заместитель главы администрации (губернатора) Томской области

Я хотел бы привлечь внимание к понятиям «инновационное предприятие» и «инновационный проект», их общей сущности и различиям.

При разработке законодательной базы необходимо учитывать практическое применение и механизм реализации принимаемого нормативного документа. При экономическом и юридическом применении понятия «инновационное предприятие» возникает ряд трудностей.

Вполне понятно, что организация, как таковая, не ограничена в выборе видов экономической деятельности, которые она намерена вести. Как известно, инновационные проекты, как и все новое, до момента получения дохода

от их реализации требуют определенного периода времени. В период развития инновационного проекта предприятие может и занимается иными видами деятельности для поддержания себя «на плаву».

Экономический учет специально для разных видов проектов предусматривает также понятия «раздельный учет», «субсчета» для того, чтобы отдельно увидеть картину развития по отдельности всех реализуемых проектов от инновационных до традиционных.

В связи с вышеизложенным, видится целесообразным вводить в законодательный оборот понятие «инновационный проект», а не «инновационное предприятие».

Предлагаемая формулировка:

Инновационный проект — система мероприятий, отраженная в документации, предусматривающая технико-экономическое, правовое и организационное обоснование инновационной деятельности, содержащая сведения о целях, задачах, исходных условиях, объемах финансирования, исполнителях, методах управления, сроках исполнения и окупаемости проекта, планы и мероприятия по их реализации в целях освоения и распространения новых видов продуктов, технологий, услуг.

Как уже отмечалось выше, для получения организацией преференций, связанных с ведением инновационных проектов, претендент обязан вести *раздельный учет*, что также необходимо отразить в формируемых законодательных актах.

Для регионов крайне важно принятие — в качестве базового — федерального закона, определяющего роль государства в развитии и поддержке инновационной системы.

В Томской области инновационные ориентиры все последние годы определяют развитие региона, его динамику, готовность работать в условиях новой экономики.

Б. К. ЛИСИН

директор Института стратегических инноваций

Дорогие коллеги, я согласен с теми замечаниями, которые здесь прозвучали. Позволю себе остановиться лишь на некоторых, как мне кажется, противоречиях, которые содержит предлагаемый нам документ. Я с недоверием отношусь к тому, что существует определенная традиция в работе с понятийным аппаратом. Непонятно, почему на протяжении последнего года в Правительство вносятся два документа (первый — план, подписанный М.Е. Фрадковым, и второй — проект закона, который вносится в правительство), где понятие инновационной политики трактуется совершенно по-разному. Чем это объяснить, какая тут преемственность?

Я мог бы согласиться, если бы это понятие было лучше того, которое дано там. Но то понятие — без комментариев, а здесь позвольте прокомментировать. Во-первых, что такое инновационная политика? Это комплекс мер. Всегда в русском языке комплекс мер назывался планом мероприятий. Сводить политику к плану мероприятий — значит усекать ее по форме и содержанию, и эта трактовка политики как «комплекс мер» присутствует во многих документах, принятых в Российской Федерации.

Далее. Инновационная политика определяется через инновационную деятельность, но как можно определять инновационную политику через инновационную деятельность, которая до сих пор не определена. И, между прочим, инновационная деятельность является частью инновационной политики. Поэтому такое определение с точки зрения здравого смысла и права никуда не годится.

Следующее замечание. Основной вопрос, который обсуждался здесь на дискуссии: что такое инновационная деятельность и как она расходится с научно-технической деятельностью. Вот смотрите, «под инновационной деятельностью понимается вид деятельности, связанный с трансформацией идей...», давайте согласимся, обычно — результатов научных исследований и разработок. Но научные исследования и разработки — это уже и есть трансформация идей. Так, где начинается инновационная деятельность — с идеи или с научно-технической разработки, которая представляет собой новшество? В этом корень многих противоречий, о которых мы здесь говорили.

Нам нужно четко определиться с понятиями. В том определении, которое дано в документе от 5 августа, трактуется, что инновационная политика — это часть научно-технической и промышленной политики. А дальше в том документе, так же как и здесь, научно-техническая деятельность включается в инновационную деятельность. Так что во что входит? Одно в другое или наоборот?

Наконец, последнее. В проекте закона на странице 3 говорится: «к инновационной деятельности относятся: научные исследования и разработки ...». А на странице 6 написано: «...заменить словами «научной, научно-технической и инновационной деятельности». Но если мы уже включили научно-техническую деятельность в состав инновационной, то какой смысл через запятую нам снова возвращаться к тому, о чем уже говорили. Я считаю, нужно прийти к соглашению: или так, или так. Но когда в одном документе содержатся взаимоисключающие дефиниции, это нас никуда не продвигает. Кстати, и департамент в Минобрнауки называется «департамент научно-технической и инновационной политики». Значит, это все-таки не одно и то же.

Я не буду останавливаться на заключительном этапе формирования этих документов. Хочу только сказать, что мы работаем в этом направлении, у нас есть наработки и есть замечания, которые мы готовы внести. Но есть несколько ключевых позиций, по которым нужно согласие с тем, чтобы мы, наконец, поставили точку, записав так или так. Сейчас из-за отсутствия в российском законодательстве понятий «инновации», «инновационная деятельность», «инновационное предприятие» страдает практическая инновационная деятельность.